

священном, кстати, его научному сопернику Лихачеву, столь же знаменитому, Лев по просьбе зала замечательно прочел стихи своего отца, и имел огромный успех.

В 1987 году Гумилев написал письмо в ЦК КПСС — о том, что его, сына репрессированного великого поэта, несправедливо притесняют — и получил оттуда письмо поддержки, за подписью уже почти забытого теперь государственного деятеля Лукьянова — кстати, тоже пишущего стихи, под псевдонимом Осенев.

И неукротимый Лев вырвался из клетки — и был встречен овациями! И слава, вполне сравнимая со славой его родителей, уже не покидала его. В 1990 году он прочел цикл из двенадцати лекций по телевидению, и люди не отходили от экранов, а некоторые даже записывали (я видел эти записи).

Теперь я понимаю его возмущение «нелепым» вопросом при его выступлении в Доме Писателей в 1991 году: зачем же приходят на его лекции невежды, не способные оценить серьезную науку и нуждающиеся в «развлекательных» историях о его родителях? Тем более, славой он уже не уступал им, а даже — превосходил.

И теперь, в 2018 году, набери в поисковой строке — «Гумилев», и сразу выскочит — «Лев», а потом уже его родители.

У него были замечательные друзья, которых ему вполне хватало, например, академик — филолог Александр Панченко, такой же бунтарь, считавший, например, вопреки всем эпоху Петра I крайне вредной для Руси. Лев Николаевич, не согласный почти ни с кем, с Александром Михайловичем в этом вопросе был «полностью конгруэнтен», и, в пик Западу, никогда не закусывал картошкой, навязанной нам Америкой — а исключительно природной русской репой.

Умер он в 1992 году, в восьмидесятилетнем возрасте, и лежит в Александро-Невской Лавре, а отнюдь не в ногах Ахматовой в Комарово.

Его музей на Коломенской улице, где он получил, наконец, отдельную квартиру незадолго до смерти, весьма популярен. Всем наплевать уже, признавали в ученых кругах его идеи или нет. Всех, в основном, восхищают не идеи, а личности.

Елена Воскобоева

Евгений Шварц и «Серapiионовы братья»

Елена Воскобоева. Кандидат филологических наук, специалист по русской литературе XX века, шварцевед. Окончила аспирантуру РГПУ им. А. И. Герцена. Автор-составитель семи книг по литературоведению и педагогике. Постоянный участник научных международных форумов, конференций, семинаров. Более сорока публикаций в различных педагогических и литературно-художественных изданиях («Кормановские чтения», «Альманах "XX век"», «Литературная газета», «Нева» и др.). Член Профессионально-педагогического объединения учителей Санкт-Петербурга «Поликультурная школа Санкт-Петербурга». Живет в Санкт-Петербурге.

Объединение «серapiионов»

Евгений Львович Шварц не являлся членом литературных групп и объединений, но общение с представителями некоторых из них особым образом отразилось на характере его творчества и, в частности, поэзии.

В 1922 году Шварц познакомился с «серapiионами» — объединением молодых литераторов, возникшим в Петрограде 1 февраля 1921 года: «Когда в 1922 году наш театр закрылся, я после ряда приключений попал секретарем к Корнею Ивановичу Чуковскому»¹. В Доме искусств, в котором в начале 1920-х начала работать литературная студия², Шварц познакомился с людьми искусства.

Как человек актерского дарования, Шварц легко вписался в дружескую атмосферу Дома искусств на Мойке, 59. Так, среди множества развлечений обитателей ДИСКы было и придуманное Львом Лунцем «Живое кино» (пародии на западные кинобоевики, разыгрываемые перед публикой). Современники Шварца позже вспоминали, что Евгений Львович был

¹ Е. Шварц. Белый волк // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 188.

² «Дом искусств» ставил задачей организацию вечеров, концертов, выставок, издание книг (в 1921 редколлегией Дома в следующем составе: М. Горький, А. Блок, К. Чуковский, — было выпущено два сборника «Дом искусств»).

блестящим импровизатором и на ходу, сочиняя сценки и пьесы, разыгрывал их: «<...> сочинял сценарии и пьесы, которые потом разыгрывались под его предводительством в одной из гостиных Дома искусств³ <...> боевики: “Фамильные бриллианты Всеволода Иванова”⁴ — замысловатая пародия на авантюрные фильмы, “Женитьбы Подкопытина” <...>”⁵ М. Слонимский. Вместе и рядом. Евгений Шварц // Слонимский М. Книга воспоминаний. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 173.

Импровизационный дар Шварца сделал его неизменным конференсье «Живого кино», конкурировать с ним не мог даже Михаил Зощенко. Обитатели Дома искусств ценили конференс Шварца. Серапионы, собрания которых Шварц посещал, относились к нему добродушно. Сам Шварц вспоминал, что Корней Иванович Чуковский «привлекал» его к литературной деятельности, результаты которой были представлены в первую очередь в «Чукоккале», рукописном альманахе Чуковского. Благодаря ей мы знакомы с такими текстами Шварца, как «Басня», «Приятно» («Приятно быть поэтом...»), «Миша-пророк», «Авторы и Ленотгиз. Сочинение Е. Шварца», «Стихи о Серапионовых братьях, сочиненные в 1924 году», «Отрывок из трагедии “Секретарь XV”. Монолог секретаря. Д. V, картина VIII», «Кто приехал на съезд?..», «Филиал Чукоккалы №14. Во Дворце 15 дек.».

Восемь поэтических текстов, созданных в период с 1924 по 1934 года, носят шуточный характер, но особое внимание в данном случае мы хотим обратить на «Стихи о Серапионовых братьях, сочиненные в 1924 году» (15.03.1928) (дата в скобках указывает на дату записи в альманахе).

1924–1926 года для «Серапионов» — это тяжелый период, когда деятельность объединения была слабой, что и привело к окончательному распаду в 1929 году. Именно в это время Шварц оставляет интересные записи в своем дневнике: «Завтра мне идти на Серапионовскую годовщину. <...> Годовщина будет праздноваться у Груздева. Мне так же хочется идти туда, как в Госиздат утром» (запись от 31 января 1929)⁶. Или такая: «Вчера была Серапионовская годовщина. <...> Когда я приехал — меня встретили Венька и Тихонов, и Зощенко страшной новостью: они сочинили для

³ В романе О. Форш «Сумасшедший Корабль» (1930) Е. Шварц прячется за маской Гени Чорна (Шварц в переводе с нем. означает «черный»), является любимцем публики: «Геня Чорн — импровизатор-конференсье, обладавший даром легендарного Крысолова <...> Геня Чорн организовал недомерков мужского и женского пола из всех кают Сумасшедшего Корабля» [О. Форш. Сумасшедший Корабль. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 45].

⁴ Вариант: «Бриллианты пролетарского писателя Фомы Жанова» [О. Форш. Указ. соч. С. 179].

⁵ М. Слонимский. Вместе и рядом. Евгений Шварц // Слонимский М. Книга воспоминаний. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 173.

⁶ РГАЛИ. Архив Е. Л. Шварца: Ф. 2215. Оп. 1. Ед.хр. 88. Л. 50.

сегодняшнего вечера кинофильм, и я должен конферировать» (запись от 3 февраля 1929)⁷. С каждым из них Евгений Львович состоял в тесных дружеских отношениях.

Шварц и Михаил Слонимский

Михаил Леонидович Слонимский ездил со Шварцем весной 1923 года под Бахмут: отец Шварца, Лев Борисович, служил хирургом в больнице соляного рудника им. Карла Либкнехта, и Шварц решил погостить у родителей. В редакции газеты «Всероссийская кочегарка», куда Слонимский и Шварц отправились для знакомства с местными литераторами, они встретили Николая Олейникова: «В редакции газеты “Кочегарка” за секретарским столом сидел молодой белокурый, чуть скуластый человек. Он выслушал мои объяснения молча, вежливо, солидно, только глаза его светились как-то загадочно»⁸. Уже в Ленинграде Слонимский предложил Шварцу работать с ним в журнале «Ленинград» (1924 г.). Также Шварц и Федин были свидетелями на свадьбе Слонимского в 1924 г.

Михаил Слонимский был для Шварца одним из самых близких людей: «Миша Слонимский для меня — вне суда, вне определения, вне описания. Он был со мной в те трудные, то темные, то ослепительные времена, когда выбирался я из полного безобразия и грязи — к свету. Грязь и безобразие — это конец Театральной мастерской, неуспех Холодовой, что и я принял, и она заставила меня пережить хуже любого личного несчастья. Потребность веры — и полная пустота в душе. Полное отсутствие заработка. Полная неуверенность в себе. <...> Отсюда — знакомство и дружба со Слонимским и Лунцем, да и почти всеми “серапионовыми братьями”. В Доме искусств устраивались вечера, где мы ставили так называемые кинокартины. <...> И эти вечера были для меня спасением»⁹.

Шварц и Михаил Зощенко

С Михаилом Зощенко Шварц познакомился в конце 1921 года на вечере «Серапионовых братьев». Как отметила исследователь Е. И. Исаева, «Зощенко был начинающим, но уже признанным в литературных кругах автором.

⁷ Там же. Ф. 2215. Оп. 1. Ед.хр. 88. Л. 52.

⁸ М. Слонимский. Указ. соч. С. 179.

⁹ Е. Шварц. Телефонная книжка. М.: Искусство, 1997. С. 404–405.

<...> Шварц же только прикоснулся к литературной среде, начал было посещать занятия в студии художественного перевода, но почва эта не оказалась для него питательной <...>¹⁰. По ее замечанию, первые шварцевские попытки писательства оказались связанными именно с Зощенко.

Писатели стали соседями в 1930-х годах и оставались ими на протяжении двадцати лет: с 1934 по 1954 на Малой Конюшенной улице (д. 4/2, кв. №122)¹¹ жил Зощенко (впоследствии переехав в квартиру №119), а в квартире №79 с 1935 по 1955 гг. — Шварц.

Также с Михаилом Зощенко Шварц во время Великой Отечественной войны по предложению главного режиссера Ленинградского театра комедии Н. П. Акимова взялся за написание пьесы «Под липами Берлина» (спектакль о взятии советскими войсками Берлина шла на сцене театра в то время, когда немцы держали в блокаде Ленинград).

Тем не менее, Шварц с Зощенко не был близок, но любил его и поддерживал и как человека, и как писателя: «Привлекало его в Зощенко то же, что и в Чехове, — душевная чистота, мужество, прямолинейность, неподкупность, рыцарское отношение к женщине»¹².

Шварц и Вениамин Каверин

Вот как о встрече с Кавериним вспоминал Евгений Шварц: «Каверин Вениамин Александрович — один из первых моих ленинградских знакомых. После Слонимского и Лунца или одновременно с ними. Встретился я с ним у “Серапионовых братьев”. И сколько я его помню, был он с людьми даже несколько наивно приветлив, ожидая от них интересного»¹³.

С Вениамином Кавериним Шварц в 1928 году писал музыкальную комедию «Три с полтиной», которая так и не была поставлена. 30 мая 1928 года Евгений Львович познакомился с Екатериной Ивановной Зильбер (в девичестве Обух). Она была первой женой брата Каверина, композитора Александра (который писал музыку к «Трем с полтиной»), и стала второй женой Шварца (напомним, он к тому времени был еще женат на актрисе Гаяне Холодовой). Шварцы с Кавериними также были соседями: в 1935–1949 годах Каверины жили в квартире №100.

Шварц и Елизавета Полонская

Знакомство Шварца с Полонской относится, видимо, к 1921-му году (как и со всеми «серапионами»). Они хорошо знали друг друга.

Елизавета Григорьевна, врач по образованию (в 1914-м окончила Сорбонну, получив диплом доктора медицины), по должности работала до 1930-го, а потом стала профессиональным литератором.

Евгений Шварц отмечал, что она рано ушла в тень: «Полонская жила тихо, сохраняя встревоженное и вопросительное выражение лица. Мне нравилась ее робкая, глубоко спрятанная ласковость обиженной и одинокой женщины. Но ласковость эта проявлялась далеко не всегда. Большинство видело некрасивую, несчастливую, немолодую, сердитую, молчаливую женщину и сторонилось ее. И писала она, как жила <...> Елизавета Полонская, единственная сестра среди “серапионовых братьев”, Елисавет Воробей, жила в сторонке»¹⁴. Она много переводила (более всего ей удались Р. Киплинг и Б. Брехт), писала газетные очерки и стихотворения¹⁵.

В течение всего существования группы (1922–1926) Полонская ежегодно к 1 февраля писала оды на годовщину «Серапионовых братьев» (три из пяти од полностью приведены в книге Е. Полонской «Стихотворения и поэмы», 2010).

Как вспоминала сама Е. Полонская спустя десятилетия: «Когда я перечитываю эти стихи, я вижу неосвещенный в снежных сугробах Невский и себя в валенках и кепке, бредущей с ночного дежурства в госпитале №935, что на Рижском, по направлению к Елисеевскому дому на Мойке, тогдашнему “Дому Искусств”, где за барской кухней в “людском” коридоре, прозванном “обезьянником”, в комнате Миши Слонимского собирались Серапионовы братья...»¹⁶.

Первая ода, написанная в 1922 году, не вошла в цикл «Под каменным дождем» (1921–1923) и впервые была опубликована в 1993 году (журнал «Вопросы литературы», вып. 6). Третья по публикации ода носит название «Стансы» (стихотворение было послано Л. Н. Лунцу в Гамбург 25 ноября 1923 г. под заглавием «Серапионовская ода»), и она тоже не вошла в книгу «Упрямый календарь» (1923–1926) (была написана в период с ноября 1923 по 1 февраля 1924 года). Наконец, третья ода — но пятая по написанию —

¹⁰ Е. И. Исаева. Евгений Шварц и Михаил Зощенко. К истории творческих контактов // Альманах «XX век». Вып. 4. СПб.: Островитянин, 2012. С. 11.

¹¹ В то время нумерация домов шла по каналу Грибоедова: кан. Грибоедова, д. 9, кв. 124.

¹² Е. Шварц. Телефонная книжка. Указ. изд. С. 217.

¹³ Там же.

¹⁴ Е. Шварц. Живу беспокойно. Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990. С. 292–293.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Б. Фрезинский. Елизавета Полонская. Затаившаяся муза // Арион. 2007. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/1/po22.html>

¹⁶ Б. Фрезинский. Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты. СПб.: Академический проект, 2003. С. 101.

названа «Серапионовская ода», она также не вошла в книгу «Упрямый календарь» (1923–1926) и была написана 1 февраля 1926 года.

Помимо дружеских контактов Евгений Шварц и Елизавета Полонская, по-видимому, участвовали в своеобразной литературной игре, в которой тогда участвовали все. Игра между Шварцем и Полонской заключалась, вероятно, в написании поэтических текстов в жанре оды (как их определяла сама Полонская). Шварц назвал свое произведение просто «стихи», но при этом тексты обоих поэтов очень схожи: и по поэтической форме, и по творческой манере. Для начала восстановим хронологию серапионовских од (стихотворения полностью приведены в приложении):

1. Е. Г. Полонская. Серапионовская ода (<1 февраля 1922>) // Стихи, не вошедшие в цикл «Под каменным дождем» (1921–1923).

2. Е. Г. Полонская. Стансы (<ноябрь 1923 — 1 февраля 1924>) // Стихи, не вошедшие в книгу «Упрямый календарь» (1923–1926).

3. Е. Л. Шварц. Стихи о Серапионовых братьях, сочиненные в 1924 году. Записаны в «Чукоккалу» 15.03.1928 г.

4. Е. Г. Полонская. Серапионовская ода (<1 февраля 1926>) // Стихи, не вошедшие в книгу «Упрямый календарь» (1923–1926).

Итак, в 1922 г. — на первую годовщину — была написана ода Е. Г. Полонской. На вторую годовщину — в 1923 г. — од не было. Зато в 1924 г. (в год третьей годовщины) было написано целых две оды: Полонской и Шварца. 1925 год — четвертая годовщина — также отмечен отсутствием од. 1926 г. — пятая годовщина — ода Полонской.

Кроме того, третью годовщину «серапионов» праздновали в Петрограде без Лунца (он уехал лечиться в Германию к ранее эмигрировавшим родителям). Известно, что 25 ноября 1923 г. в Гамбург Лунцу была послана «Серапионовская ода» (вероятно, поэтому в дате создания стихотворения указано две даты)¹⁷.

Композиции первой оды Полонской и стихотворения Шварца очень похожи. Оба автора пишут о происхождении Серапионова братства, оставляя вопрос открытым (например, у Полонской: *«Была ли женщиной их мать? / Вопрос и темен и невнятен, / Но можно двух отцов назвать: /*

То Виктор Шкловский и Замятин. / И как известных близнецов / Волчица выкормила где-то, / Так на утеху двух отцов / Их выкормил формальный метод»; и у Шварца: *«Серапионовы братья — / Непорочно зачатъя. / Родил их «Дом искусств» / От эстетических чувств»*), рассуждают о роли ДИСКА, и затем последовательно называют «серапионов» и кратко их характеризуют.

Общими фамилиями для текстов являются: *Зощенко, Каверин, Слонимский, Федин, Полонская*. Вероятно, упоминание или не упоминание того или иного «брата» мотивировано как в тексте Шварца, так и в текстах Полонской степенью личной привязанности и частоты дружеских контактов. Также немаловажной причиной можно назвать факт наличия присутствия «брата» в стране (Владимир Соломонович Познер, например, не упоминается в текстах Полонской за 1924 и 1926 года вследствие его эмиграции) или в жизни (Лунц отсутствует в стихотворении за 1926 год: он умер в 1924).

В целом тексты Полонской и Шварца отражают изменения, произошедшие в жизни почти каждого участника группы за год. И с этой позиции интереснее обратиться к тем литераторам, имена которых упоминаются во всех текстах Полонской и в стихотворении Шварца, — напомним, это *Зощенко, Каверин, Слонимский*.

Обратим внимание на Михаила Зощенко, поскольку он первым появляется в обоих текстах. Так, в стихотворении Е. Полонской «Серапионовская ода» (от 1 февраля 1922) читаем:

И третий — Зощенко младой,
Скромнее лилий, нежнее пуха,
Но предназначено судьбой,
Чтоб в нем таился Синебрюхов.

Вспомним, что именно в 1922 году Зощенко дебютировал в печати, опубликовав «Рассказ Назара Ильича господина Синебрюхова» (Пб., издательство «Эрато»).

Дальнейшее упоминание о Зощенко и соотнесенность стихотворного сюжета с биографическими фактами мы встречаем в «Стансах» Полонской (ноябрь 1923 — 1 февраля 1924):

А славный Зощенко в тот же час, —
Друзья, торопитесь отныне! —
Немедленно въехал на Парнас
На небольшой «Дрезине».

¹⁷ В ответ Лев Натанович Лунц прислал фантастический рассказ-пародию «Хождение по мукам», действие которого происходит в 1932 году. Рассказ содержит девять небольших глав — каждому «серапиону» посвящена своя. «Хождение по мукам» зачитывалось на серапионовском сборище, и в ответ Лунцу направили огромное коллективное письмо, каждый его автор написал Лунцу несколько сердечных строк. Это были (по порядку): Шварц, Дуся (будущая Слонимская), Л. П. «Агути» Миклашевская, жена Шкловского Василиса, Замятин, Зощенко, Каверин, Груздев, Шкловский, Д. Выгодский, Тихонов и его жена М. К. Неслуховская, Полонская, Шагиня, Слонимский, Валентина Ходасевич, Жак Израилевич, Федин и его жена Дора Сергеевна, Лидия Харитон.

Действительно, в 1920-е годы книги Зощенко издавались и переиздавались огромными тиражами, писатель ездил с выступлениями по стране, и его успех был невероятен.

В этом же 1924 году Евгений Шварц записывает «серапионам» свое послание, в котором пишет об особенностях повествования Михаила Михайловича:

Зощенко Михаил
Всех дам покорил –
Скажет слово сказом,
И готово разом.

Сравним с комментарием К. И. Чуковского при подготовке альманаха «Чукоккала» к публикации: «В то время критики хором сообщали читателям, что Зощенко пишет “сказом”».

Наконец, 1 февраля 1926 г. Елизавета Григорьевна пишет очередную «Серапионовскую оду»:

Один лишь Зощенко теперь
Живет в обломках старой Хазы,
И юмористы СССР
Валяют под него рассказы.

«Один Зощенко» — это явное переживание автора по поводу разлада в группе «серапионов» (которая распалась спустя 3 года в 1929 г.). Также здесь косвенно называется повесть В. Каверина «Конец Хазы», опубликованная в 1925 г. и посвященная памяти Льва Лунца. Наконец, вторая часть этого отрывка указывает на очевидную популярность Зощенко среди писателей: именно в 1926 году у него выходит более пятнадцати книг рассказов и крупнейшие сатирические журналы постоянно печатают его прозу.

Таким образом, мы обнаруживаем разнообразные аллюзии на культурную жизнь России начала XX века и прослеживаем начало и основные этапы творческого пути Михаила Зощенко.

По стихотворениям Полонской и Шварца мы также можем выстроить как биографический (личный) сюжет Вениамина Зильбера — Каверина (женитьба, учеба, рождение дочери), так и творческий (публикация текстов, их экранизация); и проследить путь становления Михаила Слонимского как творческой личности, как писателя, отметить изменения в выборе тем и стиля для произведений.

В общей сложности стихотворение Шварца «Стихи о Серапионовых братьях, сочиненные в 1924 году» продолжает и во многом дополняет

оды Полонской. Вместе они представляют собой небольшой цикл, ориентированный на знакомство с членами группы, с их личной и творческой биографией, с манерой их письма и с выбором тех или иных тем, особенно волнующих авторов на определенном жизненном этапе. Более того, апеллируя к некоторым культурным образам, поэты включают «братьев» в российское культурно-литературное пространство.

В связи с этим мы можем говорить о несомненной творческой близости Шварца и «Серапионовых братьев». В качестве еще одного аргумента, подтверждающего нашу правоту, может служить небольшая заметка, обнаруженная нами в газете «Всероссийская кочегарка»: в №1000 за 1923 г. напечатан «привет» от «Серапионовых братьев», поздравляющих газету и ее читателей с тысячным номером. В числе подписавшихся — Евгений Шварц.

Приложение

1

Елизавета Полонская. «Серапионовская ода» (стихи, не вошедшие в цикл «Под каменным дождем», 1921–1923)

Угасни солнце, а луна
Затмись и перестань являться.
Воспой, о муза, имена
Серапионовского братства!
Пусть землю осветят лучи
Светила восходящей славы,
А ты, злословие, — молчи
И вырви свой язык лукавый.
Пусть слава десяти имен
Пройдет от Мойки до Бассейной
И каждый — имя — Серапион
Произнесет благоговейно.
Душевной робости полна,
Смиренно начинаю: «Ода...»
Скажи, о муза, имена
И назови начало рода.
Была ли женщиной их мать?
Вопрос и темен и невнятен,
Но можно двух отцов назвать:
То Виктор Шкловский и Замятин.

И как известных близнецов
Волчица выкормила где-то,
Так на утеху двух отцов
Их выкормил формальный метод.
Они выросли и, в Дом Искусств
Явившись, основали братство,
И вот уж целый год живут
Одною славой без богатства.
И первый — Лунц, брат-скоморох,
От популярности страдает,
Лишился головы и ног,
Но в стиле вовсе не хромает.
Второй — Никитин, полный чувств,
Красноречивый, светский, модный.
Танцует он как златоуст,
И пишет прозою народной.
И третий — Зощенко младой,
Скромнее лилий, нежнее пуха,
Но предназначено судьбой,
Чтоб в нем таился Синебрюхов.
Вот Груздев — книжник и Зоил —
Одной литературой дышит.
Он тайну мудрости открыл
Печатной, хотя и не пишет.
Да настоящий Серапион
И в камне мудрецов уверен.
Металлы превращает он, —
Кто Зильбер был, тот стал Каверин.
Слонимский, — кто еще так мил
И добродушнее кто боле?
Своих героев всех сгубил
И гибнет сам от алкоголя!
Иванов Всеволод ходил
Тайгой на белого медведя.
От Пролеткультских темных сил
У Серапионов спасся Федин.
А кто презрел РСФСР,
В Европу наводит лыжи?
Володя Познер, например,
Живет посланником в Париже.
И средь прозаиков одна

Отстаиваю честь поэта
И вот, — опаздывать должна. —
Полонская Елизавета.

<1 февраля 1922>

2

Елизавета Полонская. «Стансы» (стихи, не вошедшие в книгу «Упрямый календарь», 1923–1926)

В нэпа четвертый год кто
Станет писать без аванса?
В честь Серапионовских братьев то
Я начинаю стансы.
Вулкан Фудзи-яма извергнул дым,
Земля затряслась в Иокогаме:
Всеволод Иванов въехал в Крым
Верхом на чертовой маме.
А славный Зощенко в тот же час, —
Друзья, торопитесь отныне! —
Немедленно въехал на Парнас
На небольшой «Дрезине».
Лунц взял Берлин, и хоть разбит
Отчасти был при этом,
Но он поправится и победит
Прочие части света.
Все титулы Федина кто сочтет,
Все главы его романа?
Везде ему воздают почет,
В Москве и даже в Рязани.
Прямые пути для широких натур,
Будь сапожник иль граф ты:
Николай Никитин *via* Рур
Стал редактором «Правды».
Груздев Илья высоко вознесен
(Плод еженощных бдений):
Рекомендует учебники он
Трушколам второй ступени.
Старое старится, молодое растет,
Кто же теперь поверит,
Что Веня Каверин вновь перейдет
Из мастеров в подмастерья?

Слава, о Тихонов, отец баллад,
Начальник обширного рода!
Дал в Пролеткульте «Мертвый солдат»
Семьдесят тысяч приплода.
Миша Слонимский стал глубок –
В шахты залез Донбасса.
Из-под земли он приволок
Идеологию класса.
Слониха беременна девять лет,
Такова слоновья порода.
Федин родил не слоненка на свет,
А «Города и годы».
Скромность всех добродетелей мать
И дочь хорошего тона.
Знаю, Полонскую будут ругать
Здорово Серапионы.

<Ноябрь 1923 — 1 февраля 1924>

3

Елизавета Полонская. «Серапионовская ода»
(стихи, не вошедшие в книгу «Упрямый календарь», 1923–1926)

Друзья! Лирические оды
Писала я из года в год,
Но оды выпали из моды,
Мы перешли на хозрасчет.
Об этом факте не жалея,
Как Серапион и как поэт,
Я подсчитаю к юбилею
Все хозитоги за пять лет.
Начнем с Каверина.
Каверин
(Одна десятая судьбы)
Десять десятых перемерил
И Хазу прочную добыл.
Сказать про Тихонова надо,
Что для поэта нет преград:
Покончил разом он с балладой
И держит курс на Арарат.

Никитин — тоже к юбилею
Идет на должной быстроте:
За ним могила Панбурлея,
Пред ним карьера в Болдрамте.
Слонимский, изживая кризис,
Машину создал Эмери
И лег меж Правдой и Ленгизом
На Николаевской, дом 3.
Иванов для Серапионов
В России сделал все, что мог,
И Серапионовскую зону
Он расширяет на Восток.
Один лишь Зощенко теперь
Живет в обломках старой Хазы,
И юмористы СССР
Валяют под него рассказы.
Да Груздев, нерушим и светел,
Живет без классовых забот.
Так на пороге пятилетия
Мы перешли на хозрасчет!

<1 февраля 1926>

4

**Евгений Шварц. «Стихи о Серапионовых братьях,
сочиненные в 1924 году»**

Серапионовы братья —
Непорочного зачатья.
Родил их «Дом искусств»
От эстетических чувств.

Михаил Слонимский:
Рост исполинский, —
Одна нога в Госиздате
И не знает с какой стати,
А другой в «Ленинграде»
И не знает чего ради.
Голова на том свете,
На дальней планете,

На чужой звезде.
Прочие части неизвестно где.

Константин Федин
Красив и бледен.
Пишет всерьез
Задом наперед
Целуется взасос
И баритоном поет.

Зощенко Михаил
Всех дам покорил —
Скажет слово сказом,
И готово разом.

Любит радио
Пишет в «Ленинграде» о
Разных предметах
Полонская Елизавета.

Вениамин Каверин
Был строг и неумерен.
Вне себя от гнева
Так и гнул налево.
Бил быт,
Был бит, —
А теперь Вениамин
Образцовый семьянин.

Вся семья Серапионова
Нынче служит у Ионова,
И от малого до старого
Уважает Г. Сафарова.

Светлана Забарова

Кровный интерес

Светлана Забарова. Прозаик. Русский писатель, член Союза Писателей Санкт-Петербурга. Живет в г. Санкт-Петербурге. Родилась в Казахстане, в городе Кентау, одном из центров горнорудной промышленности СССР. По окончании средней школы приехала в г. Ленинград. Училась в Музыкальном училище им. М. П. Мусоргского и в ГИПИСР. В 80-е годы была членом группы «Спасения памятников истории и культуры». Член редакционного совета альманаха «Пятый угол и его обитатели» (2012–2014) и творческого совета журнала «Северо-Муйские Огни» (Бурятия). Публиковалась в ряде изданий России и ближнего зарубежья. Автор изданной книги прозы. За серию очерков имеет благодарности от ГКУ «Пискаревское мемориальное кладбище», музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда», общественного объединения «Мемориальная зона», г. Астана, Казахстан.

*Посвящается группе Спасения
памятников истории и культуры*

Когда я езжу по городу в привычных рутинных направлениях, мне порой кажется, что те люди, с которыми я была связана в конце восьмидесятых «англетеровским», или «спасенческим» движением — давно уже умерли, что их смыло временем, они исчезли, растворились без осадка в новой эпохе...

Но вот был день панихиды по Даниилу Гранину. Я вышла на Чернышевской, и вдруг... они.

Те же лица, те же люди... и понимаю, что они все идут туда же куда и я.

Никуда они не делись, не пропали, как жили, так и живут... хранят молча культурный код города. Интересно было вот это мгновенное узнавание друг друга по каким-то невидимым перекрестным трассам через головы идущих людей; безошибочное определение «свой-свой»: они спрашивали о чем-то друг друга, уточняли маршрут троллейбуса, место и время.

Ко мне подошла старушка лет под сто. Пока ехали, выяснилось, что она активистка: борется за сохранение и возрождение квартиры-музея